

Верный своему призванию евангелиста и историка, апостол Лука сообщает нам о важнейших событиях спасения рода человеческого. Страсти Господни – Крест – Воскресение – явления Иисуса Христа – Его Вознесение и, наконец, – Сошествие Духа Святого в день Пятидесятницы, который мы сегодня празднуем, о котором читаем и размышляем. Апостол и евангелист Лука всегда дает нам достаточно пищи для размышлений. Ведь он обладал способностью простыми, часто незаметными литературными средствами достигать глубокого богословского смысла. Так, внимательное прочтение сегодняшнего отрывка из Книги Деяний открывает нам, что даже выбор слов у евангелиста не случаен, но отличается глубокой символизмом.

Воскресший Спаситель перед Вознесением дал Своим ученикам последнее повеление, сказав: «Я пошлю обетование Отца Моего на вас; ждите обещанного от Отца; оставайтесь в Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше, когда сойдет на вас Дух Святой» (Лк. 24, 49; Деян. 1, 4, 8). И вот Его ученики, первые представители двенадцати новых колен нового народа Божия собираются в Иерусалиме на то же место, где они слышали эти слова, чтобы молиться и ожидать исполнения данного им обетования. И это случилось, когда исполнился день Пятидесятницы. В этот день Дух Святой наполнил весь дом, в котором находились ученики, и они исполнились Духа Святого. Вслушаемся в это неслучайное повторение глагола «исполнять, наполнять». Оно свидетельствует о том, что здесь и сейчас происходит дарование полноты Божественного дара благодати, той полноты, в которой нет никакого недостатка.

В том, что все это произошло в день Пятидесятницы, заключены глубокие смыслы, которые часто ускользают от современного читателя. Здесь и напоминание о первоначальном значении ветхозаветного праздника Пятидесятницы как праздника завершения жатвы. На Пасху Богу принесли в жертву «начаток», первый снопок от нового урожая, а в Пятидесятницу – хлеб в знак благодарности за весь собранный урожай, освященный вслед за его начатком. Ибо «если начаток свят, то и целое» (Рим. 11, 16). Таким святым и освящающим начатком для нас стал Христос, Который «восстал из мертвых, начаток усопших» (1 Кор. 15, 20). Так и святитель Иоанн Златоуст пишет: «Он вознес на небеса начатки плодов, восприняв наше естество». Ныне же «время, когда нужно было серпом срезать жатву, когда, как изощренный серп, прилетает Дух».

Но не только это. Ведь Пятидесятница была также праздником воспоминания о даровании Закона и Завета, что произошло на 50-й день после Исхода из Египта,

ветхозаветной Пасхи, рождения из рабства в свободу. Тогда над горою Синай раздался сильный и всё нарастающий трубный звук, и Господь сошел на гору в огне (Исх. 19, 18 – 19). Невозможно не увидеть в этих картинах образы новых событий: нового Исхода – Воскресения Христа и Новой Пятидесятницы – сошествия Господа в Духе Святом, явленном как небесный огонь и как шум бурного ветра. «В какой день дан был Закон, написанный на скрижалях, в тот же день даровано законоположение Святого Духа, начертанное не на скрижалях, но на сердцах» (блаж. Феофилакт).

Дух Божий свободен, «дышит, где хочет». Он неподвластен человеку, и «не знаешь, откуда приходит и куда уходит». Он приходит внезапно и наполняет всё и всех, «и голос его слышишь», его невозможно не услышать (Ин. 3, 8). Этот голос подобен дыханию бурного ветра. И вот, объятые Святым Духом, как пламенем, Апостолы, как им и было обещано, обрели способность к свидетельству об Иисусе Христе, к которому их и призывал в прошальной речи перед Своим Вознесением Господь. Их свидетельство об Иисусе Христе, о воплощенном Слове Божием, и само не есть слово человеческое, но слово Божие, которое достигает всякого человека, независимо от того, какого он рода и племени. Свидетельство апостолов должно достичь «края земли», населенной множеством народов, говорящих на множестве разных языков.

До сих пор высказываются разные предположения относительно того, что же представляла собою речь апостолов. Одни предполагают, что они говорили на многих иностранных языках. Другие, – и это более правдоподобно, – предполагают, что апостолы вещали на особом языке Святого Духа, о котором Апостол Павел пишет в своих посланиях, и который принято называть «языкоговорение». Одно несомненно: это была не обычная речь, но, как указывает святой Иоанн Златоуст, – их слова были восторженным, воодушевленным, возвышенным вещанием. Однако гораздо важнее ученых предположений о материальных свойствах чуда Пятидесятницы то, какой глубинный смысл усматривала Церковь в этом чуде. Евангелист Лука сознательно придает своему рассказу характер словесной «иконы», открывающей нам богословский смысл события. Язык Святого Духа – не обычный язык того или иного народа, но язык «небесный», язык не частный, но всеобщий, универсальный. И именно в силу своей универсальности он может быть понятен

всем народам. Можно сказать, что вдохновенное вещание апостолов у евангелиста Луки стала символом всемирной Евангельской проповеди. Одни принимают Евангелие, внимают ему и слышат его на своем родном языке, другие насмеются над ним и отвергают его. Апостолы

возвещают великие и славные дела Божии в Иисусе Христе (2, 11), которые должны прославляться во всем мире. На это указывает внушительный список стран и народов, на языках которых воспринималась восторженная проповедь апостолов. Ведь в те годы на праздник Пятидесятницы в Иерусалим людей со всех концов вселенной прибывало не меньше, чем на Пасху. Богословский смысл того, что мы читаем в Книге Деяний прозрачен. И смысл этот в том, что для Евангелия Христова принципиально нет национальных барьеров. Его язык – универсальный язык Духа Святого, Который разрушил преграды между народами и для которого «нет ни эллина, ни иудея, ... варвара, скифа, раба, свободного» (Кол. 3, 11).

Приподнятый характер сегодняшнего апостольского чтения соответствует праздничному богослужению. Но прочитанное нами имеет и увещательный смысл. Разве крещение, которое мы приняли, не есть личная Пятидесятница каждого из нас? Разве повеление Господа «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28, 19) относилось только к апостолам? Не относятся ли эти слова также и к каждому из нас? Разве каждый христианин не призван быть свидетелем Христовым? Свидетельства многообразны в своем единстве. И каждый может возвещать Евангелие, как дает ему Дух Святой. Мы знаем о подвигах миссионеров, несших весть о спасении в отдаленные уголки вселенной, возвещавшие Христа самым дальним народам и на самых малоизвестных языках. Так святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий, будучи эллинами, стали учителями и просветителями языческих славянских племен. Не каждому дается такой дар. Но каждый может возвещать Христа на общепонятном языке, небесном языке Святого Духа, на святом языке любви. Дух объял апостолов, и они возвещали о великих делах любви Божией. «Любовь Христова объемлет нас» (2 Кор. 5, 14), и только эта любовь придает единство всем свидетельствам о Христе, где, когда и на каком бы языке эти свидетельства ни звучали.

Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев)

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «БИБЛЕЙСКОЕ БОГОСЛОВИЕ»?

Как мы видели в прошлой главе, одной из основных целей классической библейской критики была реконструкция религиозной истории древнего Израиля и ранней Церкви. Пусть сегодня эта задача не выглядит такой актуальной, но по-прежнему издаются книги, озаглавленные «Богословие Ветхого/Нового Завета», «Библейское богословие» – в них, по замыслу авторов, в целостности и полноте излагаются верования людей того времени. Собственно, многие из протестантов утверждают, что у них нет никакого собственного богословия, только то, которое они почерпнули из Библии. Так существует ли оно, особое библейское богословие, и можем ли мы его точно определить и отделить от позднейших добавлений?

БИБЛЕЙСКОЕ ИЛИ СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ?

Современная западная библеистика достаточно разнородна. Немалая ее часть стала совершенно светской наукой: ей могут заниматься и верующие ученые, но при написании книг и статей они никак не дают понять, что видят в тексте нечто большее, чем просто древний памятник письменности, вроде египетских текстов пирамид или сказания о Гильгамеше. Такой подход характерен в основном для североευропейских стран.

Однако для других ученых, прежде всего для американских протестантов, характерно именно стремление связать свои исследования со своей верой. Протестантизм привычно говорит, что основывает всякое утверждение и действие на Библии, но огромное разнообразие деноминаций и течений внутри самого протестантизма неизбежно ставит вопрос: каким образом из единого текста получаются неодинаковые богословские построения? Действительно ли можно утверждать, что рядовой верующий открывает Библию, самостоятельно находит ответы на все возникающие у него вопросы и так формирует свое вероучение? Иными словами, если бы племена, живущему на далеком острове и никогда ничего не слышавшему о христианстве, дали Библию на его родном языке, можно ли было бы ожидать, что в племени возникнет община верующих, совпадающая во всех основных моментах с некоторой группой христиан в «большом мире»? И какой именно группой?

Такой эксперимент никто не ставил, но очевидным представляется отрицательный результат. Человек редко читает Библию один. Даже если он сидит в одиночестве в собственной комнате, он так или иначе соотносит ее текст с другими текстами и с людьми, которые тоже читают и толкуют ее – в конце концов, кто-то же предложил ему Библию прочесть, кто-то рассказал, что это за книга. Это могут быть люди, интересующиеся Библией как памятником культуры и истории, но,

как правило, это община верующих. У всякой общины есть свое вероучение (а по аналогии можно сказать, что некоторый общий взгляд на мир возникает и в светских сообществах, объединенных общими интересами). Такое вероучение обязательно построено на Библии, установочные тексты (катехизисы, исповедания, литургические песнопения) постоянно цитируют или пересказывают ее. В результате человек, вступая в такую общину, в первую очередь знакомится не столько с самой Библией, которая пока для него слишком велика и сложна, а с упрощенным изложением вероучения, опирающимся на Библию.

Итак, спрашивает себя современный западный библеист из числа христиан, что оказывается здесь первичным, Библия или богословие? Если богословие, то какое именно, ведь сегодня в библиотеках западных семинарий книги по библейскому богословию (т.е. изложению идей, высказанных в Библии) стоят на иной полке, чем книги по систематическому богословию (для православных привычнее называть его основным или догматическим).

При этом у библейского и систематического богословия несколько разные задачи: библейское просто описывает то, что встречается в Библии, а систематическое скорее определяет значение этих находок для жизни Церкви и отдельных верующих, актуализирует их, помещая в современный контекст. При этом, разумеется, богословские схемы не выводятся из библейского текста с той же неизбежностью, с какой физические законы выводятся из экспериментов, или грамматика языка выводится из созданных на нем текстов.

В представлении многих протестантов взаимодействие этих дисциплин выглядит линейно: сначала мы интерпретируем некоторое количество библейских текстов, потом на их основании выстраиваем стройную схему вероучения, изложенного в Библии, а потом уже прилагаем это к вероучению нашей собственной общины. На самом деле, экзегеза (толкование Библии) никогда не совершается в пустоте, и все три элемента этой схемы: экзегеза, библейское богословие, систематическое богословие, – постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга.

МОЖНО ЛИ ВЫСТРОИТЬ ЕДИНУЮ СХЕМУ?

Поэтому неудивительно, что появляется всё больше трудов, носящих названия «Богословие Ветхого / Нового Завета», но между ними не просто нет полного согласия – едва ли не каждая из них предлагает собственную модель. Во многом причиной тому служит разнообразие библейских текстов, отсутствие неких универсальных схем.

Например, Павел подчеркивает, что человек спасается не делами, а верой (Ефес 2:8–9), а Иаков утверждает, что

«вера без дел мертва» (Иак 2:14–16) – оба высказывания истинны, они не противоречат друг другу, но они явно подходят к вопросу о роли благих дел в спасении человека с разных сторон, и в самой Библии никакой третий текст не устанавливает определенного соотношения между ними. В то же время любая попытка создать «богословие Нового Завета» обязательно должна будет сосредоточиться на вопросе об отношении веры и добрых дел. И решение будет во многом определяться взглядами самого автора и той традиции, к которой он принадлежит: он будет выбирать именно те отрывки и цитаты, которые созвучны его собственной догматике.

Канон Нового Завета у всех христиан (за исключением Эфиопской Церкви), как мы уже разбирали в 3-й главе, один и тот же, различия в ветхозаветном каноне тоже касаются не самых важных книг. Но у разных христианских сообществ может быть свой «канон внутри канона», то есть собрание наиболее авторитетных текстов, которые кладутся в основу их вероучения. Упрощенно говоря, протестанты будут настаивать на оправдании верой и только верой, католики будут напоминать о значении добрых дел как признака веры – этот спор продолжается еще со времен Реформации, и конца ему не видно.

Один из современных библеистов, протестант Д. Карсон пишет: «Новый Завет полон противоречий, он включает многие богословские точки зрения, которые не могут быть выстроены в единую систему, и разница здесь не только в словах, но и в понятиях, и состоит он из документов, написанных на протяжении такого длительного периода, так что богословские положения более ранних текстов оказались устаревшими в ходе дальнейшего развития». Эта фраза может показаться экстремистской, но, в самом деле, в одном и том же Евангелии мы встречаем Иоанна Крестителя, учеников до Воскресения и учеников после Воскресения – нельзя не признать, что их представление о том, Кто есть Иисус из Назарета, не вполне одинаково. Тем большую разницу мы увидим, если включим в этот ряд Савла по дороге в Дамаск и апостола Павла в конце его миссионерской деятельности.

Вообще, всё живое растет и развивается, оно достаточно неоднозначно и переменчиво. В одном и том же тексте Иоанн Креститель указывает на Иисуса как на Того, Чей приход возвещали пророки (Мф 3:3) – и через некоторое вре-

мя сам обращает к Нему через учеников вопрос «Ты ли Тот, Который должен прийти?» (Мф 11:3); апостол Петр обещает последовать за Христом до конца (Мф 26:33) – и в ту же ночь отрекается от Него (Мф 26:75). Мы уже отмечали в 10-й главе, что в одном и том же Евангелии от Иоанна Христос говорит вещи, которые кажутся противоположными: «Я и Отец – одно» (10:30) и «Отец Мой более Меня» (14:28), и, по сути, только Предание – коллективный опыт прочтения этого текста общиной верующих, которая его и породила – может нам здесь подсказать, как согласовать эти два изречения. Если истолковывать Библию исключительно изнутри самой Библии, у нас просто нет никаких критериев, что честь главным, а что второстепенным.

Вот гораздо более практический пример: почти все христиане, опираясь на Новый Завет, считают, что пищевые ограничения, введенные в Пятидесятнице, утратили для них свою силу. Но существуют адвентисты, которые соблюдают их – и приводят в поддержку своей позиции другие цитаты из Нового Завета!

Можно ли тогда сказать, что церковное учение определяет наше понимание библейского текста? До некоторой степени так оно и есть. Как пишет тот же Карсон: «Важно понимать, что практически всякий, кто не является атеистом, придерживается того или иного вида систематического богословия. Это вовсе не значит, что всякое систематическое богословие хорошо, полезно, взвешено, разумно, основано на Библии; это всего лишь значит, что большинство людей придерживаются какого-то систематического богословия. Представим, к примеру, человека, который говорит, что не признает в Библии Слова Божьего.... Но если он не атеист, он все же верит во что-то касательно Бога (или богов, но для удобства мы сочтем его монотеистом). Он принимает в свое сознание верования, которые он считает последовательными».

Вместе с тем, конечно, нельзя сказать, что община верующих получает право толковать Писание, как ей вздумается. Напротив, она должна постоянно сверять свою жизнь со Словом Божиим, чтобы «предания старцев» не затмили ясно выраженного Слова Божьего, о чем не раз предупреждал своих учеников Христос. Только обойтись без совета со старцами

– предшественниками и учителями в вере – тоже никак не получится.

«МОИ ВЗГЛЯДЫ – БИБЛЕЙСКИЕ!»

Еще один современный библеист-протестант Г. Осборн пишет: «Слишком часто мы полагаем, что наше толкование и есть то, что сказано в Библии, не понимая при этом многих других факторов, которые определяют значение. В результате богословская схема строится на ожерелье цитат, в равнинистической манере нанизанных друг на друга, и они якобы “доказывают” справедливость тех или иных богословских формулировок. Но проблема в том, что оппонент приводит свой набор цитат (часто это совсем другие тексты, говорящие о том же предмете, при этом каждая сторона игнорирует цитаты другой стороны!), и оба спорщика разговаривают сами с собой, а не друг с другом».

Далее он приводит показательный пример: «Один из моих студентов в семинарии несколько лет назад подошел к наставшему нас ученому-кальвинисту (сам он принадлежал к умеренно арминианскому крылу) и спросил: “В чем основное различие между Вашими взглядами и моими?” Профессор несколько театрально воскликнул: “Мои – библейские!” Но как мы проверим, чьи взгляды больше соответствуют Библии?»

Здесь может потребоваться небольшое пояснение. И классическое кальвинистское, и арминианское богословие (оба, разумеется, относятся к протестантизму) основаны на Библии и вполне согласны, что падший человек в своем нынешнем состоянии не способен принять призыв Святого Духа и обратиться к Богу. Но, говоря упрощенно, для кальвинистов человечество делится на избранных, которые предопределены ко спасению и призваны благодатью Божией, причем человеческая природа уже не может ей воспрепятствовать, и всех остальных. Те, кто избран, призван и уверовал, пребывают в избранном и спасенном состоянии навсегда и уже не могут отпасть. Но с этим не согласны последователи Арминия и Уэсли, которые говорят, что человек сам способен сделать выбор по своей воле и уверовать при содействии Святого Духа. Те, кто единожды уверовал, могут в дальнейшем отпасть (в этом отношении они ближе к православному вероучению, нежели Кальвин). Разумеется, обе стороны приводят многочисленные цитаты в доказательство своей правоты.

На вопрос о том, кто именно спасен, Библия действительно дает, на первый взгляд, противоречивые ответы. Некоторые цитаты звучат так, что Христос спас всё человечество, ибо такова и была воля Божия. Например: «...это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины. Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос

Иисус, предавший Себя для искупления всех» (1Тим 2:3–6). «Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2Петр 3:9).

Но есть и другие цитаты, из которых можно заключить, что Христос спас лишь некоторых, тех, кого пожелал спасти Бог, а остальных людей ждет вечная гибель.

Например: «Язычники, слыша это, радовались и прославляли слово Господне, и уверовали все, которые были предуготовлены к вечной жизни». (Деян 13:48) «Итак помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего. Ибо Писание говорит фарону: для того самого Я и поставил тебя, чтобы показать над тобою силу Мою и чтобы проповедано было имя Мое по всей земле. Итак, кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает. Ты скажешь мне: “за что же еще обвиняет? Ибо кто противостанет воле Его?” А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: “зачем ты меня так сделал?” Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?» (Рим 9:16–21)

Это противоречие – а на самом деле, многообразие – создает возможность интерпретации. Глядя на некоторые богословские труды, озаглавленные «Учение такого-то апостола или пророка о таком-то предмете», можно подумать, что библейские пророки и апостолы были профессорами богословия, читавшими систематический курс в духовных академиях, и теперь осталось только собрать воедино элементы этого курса и составить единую схему. Но Господь почему-то не пожелал дать нам учебник богословия или катехизис, Он дал нам не голую схему, но живое Слово, поразному действующее в разных обстоятельствах и неодинаково обращающееся к каждому человеку.

Так мы подошли к еще одному вопросу, который разделяет людей даже внутри одной и той же традиции, одной и той же церковной деноминации – вопросу о богословском методе. Как именно вывести богословскую схему даже из одного и того же набора текстов – тут тоже могут быть разные мнения, ведь эти тексты не содержат догматов и определений в готовом виде. Даже если богослов использует готовую цитату из Библии, он и только он определяет, в каком смысле следует понимать эту цитату и как ее следует связывать с другими положениями его богословской системы.

Но это уже отдельный вопрос, и мы сейчас не будем его разбирать. Что же касается нашего предмета, то можно сказать: сегодня всё больше христиан из разных конфессий приходят к выводу о том, что прочтение Библии в огромной степени определяется коллективным опытом общины верующих, и в этом смысле можно сказать, что они приближаются к православному представлению о Писании как главной части Предания.

Андрей Десницкий

Расписание богослужений с 28 мая по 3 июня 2018 г.

28 мая Понедельник	ДЕНЬ СЯГОГО ДУХА	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
29 мая Вторник	БЛГВ. ЦАРЕВИЧА ДИМІТРИЯ, УГЛИЧСКОГО И МОСКОВСКОГО	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
30 мая Среда	Ап. Андроніка и иже с ним	
31 мая Четверг	Мч. Феодота Анкірського и мцц. семи дев. Мчч. Петра, Дионісія и иже с ними	
1 июня Пятница	БЛГВВ. ВЕЛ. КН. ДИМІТРИЯ ДОНСКОГО И ВЕЛ. КН. ЕВДОКІИ, В ИНОКИНЯХ ЕВФРОСИНИИ	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
2 июня Суббота	ОТДАНИЕ ПРАЗДНИКА ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ. ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ СВТ. АЛЕКСІЯ, МИТР. КИЕВСКОГО, МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ, ЧУДОТВОРЦА	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
3 июня Воскресенье	НЕДЕЛЯ 1-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ, ВСЕХ СЯТЫХ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ	7:45 Молебен с акафистом 8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста <i>/все священнослужители/</i>

(СВ. ФЕОФАН ЗАГВОРНИК

НОВАЯ ЯЗВА

Было у нас две язвы: материализм и спиритизм. С недавнего времени враг насылает третью, самую разрушительную: немецкое богословствование. В чем же отличительная черта этого богословствования? В том, чтобы построивать различные воззрения на христианство, относительно и существа его, и истории, и по этим воззрениям стремиться к перестройке христианского общества. Это совершенно в духе немцев. Когда немец добьется до какой-нибудь общей мысли или идеи или «многообъемлющего» воззрения, то так дорожит им, что готов все принести в жертву, лишь бы только дать простор своему измышлению. Так во всех предметах ведения, так и в богословствовании. Это началось еще с Лютера. Построил он себе воззрение на дело Божие во Христе Иисусе и все разметал, что казалось ему несообразным с его построением. Голос Церкви в учении – прочь, таинства – прочь, подвижническую строгость – прочь, весь церковный чин богослужения – прочь. По следам учителя пошли и ученики. Всякий, бравшийся богословствовать, долгом считал придумать что-нибудь новенькое и перестроивать все по своей идее. В настоящее время и счету нет всем их воззрениям: единства никакого. От того-то у них нет богословия, а есть неукротимое богословствование. Говорят, и никак не сговорятся. К ним по всей справедливости могут идти слова апостола, что они все учатся и никак не в состоянии дойти до разумения истины. Это бы еще ничего, что они построивают свои воззрения, – значит, углубляются в дело Божие, но беда в том, что воззрений-то своих они не хотят поверять голосом Церкви Вселенской, никого не слушают,

ни своих учителей, ни даже слова Божия. У их ума лоб медян и выяз железа. Не хочет пригнуться, а все высится да высится. Их богословствование есть умничанье в сфере Откровенной истины. Все перероет и перекопает, точь-в-точь нечистое животное, забравшееся в цветник. Сохрани и избави нас Господь от такой язвы!

ЧИНОПОСЛЕДОВАНИЯ

Святые апостолы на соборе своем отменили все ветхозаветное чинопоследование и освободили христиан от того ига, которое тяготело на их отцах и праотцах.

По этому поводу некоторые умники задаются вопросом: зачем же у нас столь разнообразные и многосложные чинопоследования? И, не умея решить это, приходят к смелому выводу, что это есть возвращение к иудейству.

Но ведь когда апостолы постановляли тот закон, то имели в виду только ветхозаветное служение, а не всякое вообще, и когда написали послание к Антиохийской Церкви, то помянули только, что не налагают на членов оной ига закона, лежавшего на иудеях, а не то, чтобы запрещали учреждать чинопоследования по духу новой веры. Как мысль требует слова, а намерение – дела, так и дух веры требует внешнего чина. Чин этот и начал заводиться с первых же дней по сошествии Святого Духа, положившего основание Церкви Божией. В главных и существенных чертах он установлен самими апостолами: от них образ совершения таинств, от них молитвенные собрания и их порядки, от них церковное чиноначалие, от них указание обособлять места и времена для служения Богу, от них посты и домашние молитвы, от них подвиги всестороннего воздержания и разные виды благочестивых христианских обычаев. Желаящий может найти указание на все

это в Деяниях и Посланиях апостольских. Вывод отсюда такой: святые апостолы одно чинопоследование отменили, а другое завели. Как же видеть в этом иудейство? Веру нельзя оставить голою. Это противно природе нашей и природе самой веры. Разве пожалуется кто – не слишком ли обременена наша духовная вера внешними чинами? Присмотрись, и увидишь, что не слишком. Ведь надо же на всякий случай хоть по одному чину? Так оно и есть у нас. Всякий чин, с одной стороны, удовлетворяет потребности верующего сердца, а с другой, состоит в полной гармонии с духом веры. Если смотреть на церковные наши чины в их совокупности, то покажется их много, а разложите их по многообразным потребностям верующих – и увидите, что их очень мало, и все они очень просты.

Пожалуй, еще скажут: «Зачем они заключены в неподвижную форму? В век апостольский многое делалось экспромтом: находил дух – и рождалась молитва или песнь, или слово назидания, а ныне все готовое да готовое». Да не все ли это одно? Тогда находил дух и давал молитву, а теперь внимай, как должно, составленной уже молитве и взойдешь в тот же дух. Дело в духе. Если кто остановится на одних словах молитвы и внешних действиях, тот отступит от апостольского чина, а кто всякий раз при внешнем чине будет входить в дух, тот станет делать то же, что делалось при апостолах. Оставить весь внешний чин на произвол движений духа известных лиц или каждого верующего едва ли кто сочтет разумным. Не лучше ли покориться существующему порядку, молясь Господу, да устроит все в Церкви Своей, как Его святой воле угодно? Цель чина церковного – созидание духа, и сколько созидалось святых среди нашего благолепного чина! Стало быть, чин не отводит от цели, а способствует достижению ее. Имей разум, и все хорошо будет.